

Мария Зайцева

Ты - Наша

Она принадлежит
им обоим

18+

Наша

Мария Зайцева

Ты – наша

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зайцева М.

Ты – наша / М. Зайцева — «Эксмо», 2026 — (Наша)

ISBN 978-5-04-252241-3

Притягательный остросюжетный роман с аудиторией более 5,6 миллионов на Литнете. Мария Зайцева — одна из самых ярких авторов Литнета в жанре СЛР. История непростых, всепоглощающих и опасных отношений с тропами «любовный треугольник», «властный герой», «от ненависти до любви», «одержимость». Студенческий роман, где двое властных и опасных парней затягивают героиню в мир криминальных интриг, всепоглощающей одержимости и психологических игр. Василиса учится на первом курсе и думает только об учебе. Скромная заучка, не самая заметная, совсем не популярная. Ее мир ограничивается учебниками и планами на будущее, где нет места головокружительным романам и безрассудным поступкам. Девушка уверена, что настоящая страсть — это то, о чем пишут в книгах, а не то, что случается с такими, как она. А вот два самых популярных парня универа думают по-другому... Леша Камнев, жесткий и опасный бунтарь с мрачной репутацией. Игнат Лисин, отвязный мажор, привыкший получать все и сразу. Они оба одержимы Василисой, и ни один не готов уступать. Вот только Василиса не знает, что за сладким притяжением скрывается опасная страсть. У каждого из них есть враги и прошлое, которое вот-вот настигнет. А она только что стала их общей мишенью. Иллюстратор обложки: Shark.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252241-3

© Зайцева М., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

1	7
2	11
3	14
4	16
5	18
6	20
7	23
8	27
9	30
10	32
11	35
12	37
13	40
14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария Зайцева

Ты – наша

Иллюстрация на обложке Shark

Художественное оформление Анастасии Грищенко

© Мария Зайцева, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

1

Шум, не громкий, но вполне отчетливый, заставляет меня остановиться и с легкой настороженностью прислушаться.

В рекреации тихо и темно, только отдаленный гул, доносящийся снизу, из спортзала, словно эхо по горам, доносится сюда, на второй этаж. Кабинеты все закрыты, верхнее освещение погашено, и мне, честно говоря, страшновато тут одной.

Сжимаю в ладони ключ от лаборантской кафедры биологии, ежусь невольно, потому что кажется, будто кто-то наблюдает за мной. Настойчивым недобрым взглядом.

Нервно оглядываюсь даже, вдруг кто-то позади?

Но коридор, такой же полутемный, как и сама рекреация, пуст.

Опять слышен шум, и в этот раз я распознаю оттенки: грохот, словно падает что-то тяжелое, массивное. Сдавленный мат. Звуки ударов. Глухие, будто по живому бьют.

Черт, это же драка! Драка где-то, за одной из этих дверей!

Становится не по себе, и я медлю, решая, что делать дальше. То ли бежать за помощью, вытаскивать из спортивного зала, где сейчас вовсю гуляют студенты, грандиозно празднуюя окончание старого и начало нового года, дежурного преподавателя, а заодно еще и охрану с поста прихватить.

То ли сначала глянуть на ситуацию самой. Мало ли, вдруг мне кажется со страху, и все не так уж и катастрофично.

У нас периодически случаются драки, это не события из ряда вон. И обычно заканчивается все примирением сторон.

Но лишь в том случае, если администрация не вмешивается.

А вот если вмешивается...

Я могу сейчас плохую службу сослужить драчунам. Вряд ли они хотят, чтоб им мешали, не зря же в кабинет пустой выбрались для разборок.

Но, с другой стороны, вдруг там убивают кого-то?

Ох, черт меня дернул забыть в лаборантской куртку! И, главное, вспомнить об этом лишь к концу вечера! Лучше бы домой в одном платье пошла, вот реально!

А теперь непонятно, что и делать...

Тут грохот становится сильней, и я пугливо вздрагиваю. Они там что, в самом деле решили поубивать друг друга?

Выдыхаю и, решительно сжав в ладони ключ, иду в сторону шума. К кафедре биологии, кстати.

Шум все сильнее, все отчетливей, и я, смиряя напряженно звенящий гул в голове, аккуратно приоткрываю дверь...

И замираю, в ужасе от увиденного.

Первое, что приходит в голову: тут явно никто никого не убьет. Но не потому, что я ошиблась в источнике шума и нет драки.

Драка есть, и бешеная, очень жесткая.

Просто драчуны по силам примерно равны.

Смотрю, как Лис, в миру Игнат Лисин, главная мечта всех девушек универа от первых до последних курсов, красавчик, вальяжный и пресыщенный своей популярностью парень, рыча, уворачивается от резкого выпада противника, уходит в сторону и, пользуясь тем, что тот открыл живот, с наслаждением засаживает жесткий кулак прямо в печень.

Кто-то другой от такого улетел бы метра на три в сторону и больше не встал, клянусь!

Но Камень, в миру Лешка Каменев, гроза всего универа, самый жуткий и опасный тип из всех, кого я когда-либо видела и знала, лишь пошатывается, выдавливает сквозь стиснутые зубы: «Ч-черт»... И перехватывает следующий, уже направленный прямиком в физиономию удар!

Отбрасывает от себя Лиса, да так, что тот, более худой и жилистый по комплекции, улетает-таки в сторону подоконника, по пути обрадовав спиной последовательно кафедру, тумбу и стул преподавателя и с диким грохотом повалившись на пол.

Звук падения мебели и тяжелого тела парня разносится по пустой аудитории настолько громко, что даже оглушает.

Я стою, не в силах шевельнуться, с глупо открытым ртом, и ошалело наблюдаю, как Лис, вместо того чтоб валиться в отключке от невероятно страшного, жесткого удара главного бандита универа, вскакивает с пола, словно кукла-неваляшка, отталкивается и буквально летит на соперника! И в полете умудряется как-то очень хитро извернуться, достав до челюсти Камня ногой!

Боже!

Я раньше такое только в кино видела! Там всякие восточные герои круто вертелись вокруг своей оси, поражая миллион врагов одновременно!

И никогда не думала, что вживую буду наблюдать подобное.

И вот что я вам скажу: это нисколько не занимательно! Это – страшно!

Страшно, страшно, страшно!

Камень снова, вместо того чтоб упасть после ужасного удара, лишь пошатывается, медленно, немного заторможенно стирает с разбитой губы кровь, смотрит на ладонь в красных потеках, затем скидывает взгляд на уже приземлившегося, словно кот, на четыре конечности, Лиса... И, зарывчав настолько жутко, что меня мороз по коже продирает, тяжело топает в сторону противника.

А тому и не страшно!

Усмехается, мягко манит пальцами здорового парня, дразня и раззадоривая. Модная прическа растрепана, челка падает на лоб, пирсинг в брови поблескивает.

Лис зубоскалит:

– Ну че, Камень, как твоя морда? Не такая уж и каменная, а? Иди, почки на крепость проверю...

– Это я тебя сейчас проверю, ур-род, – рычит Камень, делая неожиданный для его мощной комплекции мгновенный рывок в сторону Лиса и пытаясь поймать его.

Но тот, верткий и легкий, уходит в сторону, вспрыгивает на парту, словно взлетает, и оттуда снова манит к себе Камня:

– А ты не так хорош, а, Камешек? Врут про тебя, выходит?

– Сейчас узнаешь, тварь, – обещает Камень, одним движением снося парту, на которой стоит Лис, в сторону.

Лис, пошатнувшись, падает, и я не выдерживаю напряжения, вскрикиваю, вцепившись в дверной косяк белыми от напряжения пальцами.

И тут же понимаю, что зря, совершенно зря это сделала!

Потому что парни замирают, кажется, буквально в полете, и поворачиваются ко мне. С пугающей синхронностью.

И нет, Лис не падает, как мне со страху показалось вначале, а лишь легко перескакивает с уже перевернутой вверх тормашками парты на соседнюю.

Словно заправский паркурщик!

Лис всегда казался нахальным, пресыщенным, развращенным мажором, любимцем и любителем девушек, не знающим вообще проблем в этой жизни. Оно и неудивительно, его отец владеет самой крупной у нас в регионе продуктовой сетью магазинов. Так что шикарная машина, постоянные гулянки, миллион девчонок, меняющихся со скоростью света, – непременные атрибуты легкой и безбедной жизни мажора.

Лис – мажор. В отличие от его противника.

Потому что Лешка Каменев – вообще полная противоположность Лиса.

Мрачный, немногословный, одетый нарочито просто и небрежно всегда, он пугает одним своим видом: тяжелым взглядом исподлобья, неулыбчивой физиономией и широченным разворотом плеч. С ним не связываются. Его обходят стороной. Изгой, одиночка.

Неизвестно, чем бы дело кончилось, учитывая, что Камень – чемпион в своем весе по смешанным единоборствам, а Лис, говорят, черный пояс имеет... Так что исход драки вообще неясен.

Да и не узнаю я никогда, чем все могло бы завершиться, потому что драться они больше не собираются, похоже. Отвлеклись.

Парни смотрят на меня молча, не шевелясь и словно бы не веря, что я реальна. По крайней мере, выражения физиономий у них на редкость сложные.

Я почему-то пугаюсь еще больше, только теперь осознав, что вообще не стоило заходить сюда, не стоило прерывать их... Судя по не особо побитым лицам, ничего страшнее синяков тут никому не грозило.

И черт меня дернул!

А теперь что делать?

Я вроде как свидетель... Чего-то. Судя по выражению глаз парней, им не особо хотелось, чтоб кто-то узнал о том, что тут творилось только что.

Я облизываю пересохшие губы, открываю рот, чтоб заверить, что никому никогда ни за что...

Но из горла вырывается только жалкий сип, голоса нет совершенно.

– Я-а-а... – сглатываю, пробуя еще раз, – я-а-а... мне надо было... куртку... Я... Пойду. С этими словами я делаю шаг назад, не сводя испуганного взгляда с парней.

И в этот момент они, мельком переглянувшись, идут ко мне.

Тоже синхронно. Пугающе.

2

За несколько месяцев до...

– Вась, мне все равно не нравится эта твоя затея.

Тошка хмуро смотрит на меня, вздыхает, тянется поправить выбившийся из строгого хвоста локон.

Но я, недовольная очередным непонятным мне отчитыванием, лишь сердито отмахиваясь, отступаю на шаг, сжимая в руках сумку.

Тошкина ладонь, чуть повисев между нами, словно в нерешительности: то ли продолжать и дотянуться до моих волос уже, то ли убраться, наконец, падает.

Я смотрю, как друг тянется к карману, достает темный футляр вейпа, затягивается. Ароматный пар окутывает его лицо, делая выражение глаз непонятным, нечитаемым.

Я со вздохом поворачиваюсь и иду в сторону остановки.

Надо же, такой день мне изгадить пытается! А еще друг!

– Вась, стой!

Теплая ладонь ловит за локоть, разворачивает к себе.

Задираю голову: Тошка высокий, а я – вообще нет, и никакие каблуки тут не помогут. Смотрю на друга, сдвинув брови и всем видом показывая, насколько он не вовремя со своими нравоучениями.

– Мне надо на автобус, – холодно информирую его, – а то опоздаю на линейку.

– Да и плевать, – бормочет Тошка, – делать там нечего...

– Тебе на пятом курсе, может, и нечего, – отчитываю его, – а для меня важно. Первый курс, новая группа... И вообще... Хватит уже, блин! Я уже поступила, я уже зачислена! Все! Прекрати мне про это говорить! Тем более что никаких серьезных причин, почему мне не надо учиться там, ты так и не назвал!

– Называл! – начинает кипититься Тошка, сжимая меня за локоть сильнее и причиняя этим боль. Морщусь, дергаюсь в его ладони, но бесполезно. Не отпускает!

– Отпусти немедленно! – приказываю я. – Мне больно!

Тошка, помедлив и словно решая, послушать меня или нет, все же отпускает.

Потираю локоть, смотрю на него настороженно и зло.

– Что это на тебя нашло, вообще?

– Блин... – Тошка останавливает взгляд на красных пятнах от пальцев, ярко проступающих на белой коже, кривит губы виновато. – Прости... Не рассчитал...

– Просто мамонт какой-то, – с досадой говорю я. – Ты, блин, вспоминай иногда, что я – девочка!

– Я это постоянно помню, – с очень странной интонацией отвечает Тошка.

– Ладно... – Я бросаю взгляд на часы. – Мне пора уже. Ты, если на линейку не идешь, меня не задерживай.

Разворачиваюсь к остановке, потому что времени совсем нет, но Тошка снова встает на пути:

– Довезу, пойдем.

– Не надо, я тебя боюсь, – отвечаю я, все еще дуясь, и пытаюсь обойти парня, но он снова преграждает путь.

– Да ладно тебе, я просто расстроен... Ну, прости, Вась! Я же не нарочно!

– Еще бы ты нарочно!

Снова смотрю на часы и, чуть помедлив, все же сдаюсь.

Опаздываю по его милости, а на линейку хочется вовремя прибыть... Пусть везет, черт с ним.

Уже в машине, пристегиваясь, сурово предупреждаю:

– Начнешь опять этот разговор, выпрыгну на ходу, клянусь!

Тошка сжимает челюсти и молча заводит мотор.

Я выдыхаю и откидываюсь на сиденье, разглядывая пролетающие мимо дома и пытаюсь отвлечься и обрести утерянное хорошее настроение. Внутри все бурлит от негодования и обиды. Потому что мой друг детства не поддержал меня в моем решении. Моем выборе. Впервые.

И это лишает меня уверенности в себе и той радости, что испытала, поступив туда, куда хотела, куда стремилась, до последнего держа все в страшной тайне. Просто, чтоб не сглазить.

Правда, в основном эта секретность была для родителей, явно не одоббивших мои старания для поступления на вышку. Просто потому, что учиться девушке, по их искреннему мнению, вообще не обязательно.

И как хорошо было раньше: три класса церковно-приходской – и замуж!

А сейчас все стали самостоятельные и никого не слушают. А институты эти – разврат сплошной! Там одни проститутки учатся!

И нет, я не в девятнадцатом веке живу. И не в деревне дикой, не в сибирском скиту староверцев, а в крупном областном городе-миллионнике. И область у нас – третья по уровню жизни в стране. Учитывая, что первые и вторые места занимают два столичных региона, то понятно, что все в порядке у нас с образованием, работой и прочим.

А вот с мозгами у моих предков, к сожалению, все далеко не в порядке. И если раньше я это воспринимала как данность, потому что ничего другого не знала и считала, что происходящее нормально и у всех так, то, когда подросла и начала немного соображать, поняла, насколько у меня в доме все не так, как у других людей.

Хорошо, что хватило ума в тот момент осознания всей безвыходности ситуации промолчать и затаиться... А затем выдохнуть и начать судорожно искать выход.

Удивительно, что Тошка, прекрасно знающий, что происходит у меня в доме, почему-то был дико против того, чтоб я продолжала учебу.

И это особенно бесило.

Неужели не понимает, что мне нет другого пути, кроме как выучиться, получить самостоятельность и сбежать прочь из домашней тюрьмы?

А я-то думала, что он, наоборот, порадуетя...

3

Я смотрю в окно и вспоминаю, как рассказывала другу про свою победу, свой успех: поступление в самый престижный не только у нас в городе, но и по области, да что там – входящий в десятку самых крутых универов страны!

Я думала, что Тошка, который тоже там учился, на пятом курсе уже, порадует за меня!

Но мой друг выслушал, недовольно нахмурившись, а затем... принялся отговаривать от поступления!

Я сначала даже не поняла, что это не розыгрыш, улыбалась, весело отвечая на его серьезные слова, уверенная, что это он так прикалывается.

Ну не может же Тошка на полном серьезе...

Оказалось, может.

Мы тогда поссорились. И даже не разговаривали целый долгий месяц.

И это было тяжело, потому что Тошку я знаю практически всю свою жизнь, с того самого дня, когда его семья переехала в наш подъезд больше десяти лет назад.

Его родители, в отличие от моих, были совершенно нормальными и сына своего старались баловать. Самокат, велосипед, крутой скейт... А он всем этим с удовольствием делился со мной... Ох, как нам было весело в детстве!

И как теперь напрягает его внезапно проснувшаяся занудливость!

Ну вот почему отговаривает от учебы в универе? Там же одна из лучших подготовок для педагогов-психологов! Ну ладно, сам он вообще на другом факультете учится, что-то связанное с космической инженерией. Это направление вообще одно из ведущих в стране, за ним будущее. И родители Тошки сильно постарались, чтоб его туда пропихнуть, потому что престижно и круто.

А я сама поступила! На бюджет!

Понятное дело, общага мне не светит, потому что прописка городская, и это печально. Но, с другой стороны, говорят, что студенты-психологи уже с первых курсов подрабатывают в школах.

И, блин, как же мне хочется побыстрее стать самостоятельной! И съехать, наконец-то, от моих мракобесов, пока они меня насильно замуж не выдали за какого-нибудь дуболома, всю жизнь просидевшего у мамкиной юбки и максимум, что видевшего в своей жизни – наш молебельный дом. Нет, религия – это хорошо, я сама верующая... Попробуй тут не стать верую-

щей, с таким воспитанием! Но в то же время я понимаю, что судьба мамы, сразу после школы выскочившей замуж за такого же, как она сама, парня из общины, меня не восхищает.

В мире столько всего интересного, столько!

Конечно, на поддержку родителей я не надеялась, не заперли дома – и на том спасибо. А вот Тошка удивил... Неприятно очень.

И мне сейчас совсем не хочется выяснять, что это на него нашло, какая собака куснула.

Я расправляю юбку на коленях, немного нервно сжимаю сумочку.

И заставляю себя не думать про всякие неприятные вещи, переключаясь на позитив.

У меня впереди линейка, первая, университетская. Интересно, насколько она отличается от школьной?

– Останови тут, пожалуйста, – все же к финалу нашей совместной поездки я не выдерживаю гнетущей атмосферы в машине и прошу притормозить, едва впереди показывается здание университета, – дойду отсюда.

– Нет уж, довезу, – раздражается Тошка, – а то прицепится кто-нибудь...

– Да что ты несешь? – возмущаюсь я. – Останови, я сказала! Вот тут! А то на ходу выпрыгну!

Тошка меня знает и потому тормозит, хоть и отчетливо скрипит при этом зубами.

Выскакиваю из машины, показательно не прощаясь, потому что достал уже!

Поправляю юбку, смотрю, как Тошка, раздраженно газанув, скрывается в направлении университетской стоянки, и иду к воротам университета, сегодня широко и гостеприимно распахнутым.

Волнуюсь очень, но радует то, что вокруг полно таких же, как и я, взволнованных вчерашних школьников, тоже с замиранием сердца идущих на свою первую взрослую линейку.

Перед воротами останавливаюсь и, задрав голову, смотрю на высоченное здание, украшенное флагом.

Очень красиво, очень пафосно и тяжеловесно.

Сколько же здесь этажей? Как-то раньше в голову не приходило посчитать...

Восемь. Восемь этажей. И по бокам какие-то башенки, там, наверное, еще парочка этажей имеется.

Солидно как. Сразу чувствуется, что учебное заведение высокого уровня. Не каблук какая-нибудь или низкорейтинговый институт, снимающий половину школы на окраине города.

И я буду тут учиться.

Круто как!

4

Радость переполняет, хочется счастливо гикнуть и подпрыгнуть на месте!

И, возможно, я бы так и сделала, но в этот момент позади раздается оглушающий рев мотора. Настолько внезапный, что я подпрыгиваю на месте, поворачиваясь, и тут же, чисто на инстинктах, отбегая в сторону.

Вдруг о кого-то спотыкаюсь и лечу! Прямо носом в асфальт!

Правда, не долетаю, этот кто-то перехватывает чуть ли не у самого асфальта, и я опять лечу. Уже в обратном направлении.

Все происходит так быстро, что успеваю только пискнуть удивленно, не испуганно даже, потому что осознать ничего не получается пока. Какие-то качели дурацкие: вверх-вниз.

– Ноги береги, – раздается у меня над головой низкий тихий голос.

Задираю подбородок, задираю, задираю... Ой, мамочки, чего же он такой высокий-то?

Моргаю на крепкую шею, недельную небритость, очень даже брутальную... Серые глаза, темные брови, растрепанные, довольно длинные волосы. Ой...

Парень, поймавший меня, спасший, можно сказать, от неприятностей, тоже смотрит, хмуро, без улыбки. И придерживает за плечи. И руки у него горячие и жесткие.

Я немного ежусь, потому что слишком крепко держит, затем вспоминаю о вежливости:

– Спасибо.

Он кивает, не отводя от меня взгляда, и я ощущаю, как его большие пальцы неожиданно мягко ведут вверх и вниз по моим плечам...

Это... Странно. И пугает, если честно. И я хочу высвободиться, потому что парень странный. Слишком суровый, слишком какой-то... непростой. Опасный – вот правильное слово. Очень опасный, это на уровне подсознания ощущается. Хочется быть подальше, но он все еще держит, не пускает, а я почему-то тоже не могу ни слова сказать, попросить, чтоб убрал руки. А вырваться силой как-то... невежливо, он же помог...

– Эй, Камень, новая телка? – Глумливый веселый голос за спиной заставляет вздрогнуть. Я каким-то седьмым чувством понимаю, что это про меня, тут же вспыхиваю всей поверхностью кожи, кажется, и веду плечами, пытаюсь вырваться.

– Ниче так, фигуристая, – продолжает тот же голос, и я уже не краснею – бурею, как свекла! Это что еще за наглец такой?

К счастью, моему спасителю тоже не нравится этот придурок и его слова, потому что он отпускает меня, наконец-то, и шагает вперед, чуть нахмурившись.

Я же, торопливо отскочив в сторону, получаю возможность рассмотреть нахала, успешного ни с того ни с сего оскорбить меня.

И сразу понимаю, что это именно он – причина моего падения. Вернее, не он, а его байк. Что-то спортивное, невероятно крутое на вид и такое же дорогое.

И сам парень, одетый нарочито просто и стильно, с продуманно небрежными светлыми волосами, модной татухой на шее, красивый, скалящийся весело на хмуро изучающего его здоровяка, смотрится дорого.

И нагло, безмерно нагло.

Он сидит на своем мощном спортивном звере, проводит ладонью, тоже забитой татухами чуть ли не до кончиков пальцев, по волосам, придавая им еще более стильный вид. В брови поблескивает колечко пирсинга.

Невероятно притягательный нахал...

Я ловлю себя на том, что пялюсь чуть ли не с отвисшей челюстью, а парень, заметив мой взгляд, улыбается и подмигивает:

– Ты только познакомилась с ним, малыш? Если так, то мой тебе совет, не спеши...

Я тут же прихожу в себя и делаю шаг назад, затем еще один, а потом вовсе разворачиваюсь и убегаю прочь.

Вслед мне несутся какие-то выкрики, которые я уже не слышу. Зато слышу отчетливо знакомый низкий голос:

– Я тебе твою железяку в зад затолкаю...

Поворачиваться и наблюдать этот процесс я не планирую, еще сильнее ускоряясь.

И пытаюсь усмирить бешено бьющееся в волнении сердце.

Ну надо же, приключение у меня!

Бр-р-р-р...

Вокруг бурлит, завихряется толпа, и постепенно я перестаю вспоминать о досадной встрече возле ворот. Пока ищу свою группу, пока изучаю расписание и схему универа, пока знакомлюсь с одногруппниками... Понятно, что дел море, тут как бы себя не забыть, что уж говорить про случайно встреченных людей!

Тем более что университет огромный просто, и я в любом случае больше этих двоих парней не встречу.

Знала бы я, как сильно ошибаюсь в тот момент...

5

После завершения праздничной линейки нас радуют тем, что занятия начнутся сразу, в этот же день.

Целых три пары, обалдеть!

Вот это я понимаю, погружение с головой!

Но я не расстраиваюсь, предметы все новые, даже названия у них такие... солидные. Интересно очень!

В группе у нас в основном девчонки, парней всего два человека, и похожи они больше на испуганных мышат, чем на представителей сильной половины человечества.

Я с любопытством всматриваюсь в новые для себя лица, пытаюсь понять, что за люди меня окружают. Стараюсь быть приветливой и улыбаться, в конце концов, с ними я буду ближайшие пять лет довольно плотно общаться, надо наводить мосты.

В школе я не была популярной девочкой, но и изгоем тоже не слыла.

Обычная среднестатистическая ученица, спокойная хорошистка. Про то, что мои родители – в религиозной общине, не знал никто из учителей и одноклассников, и слава богу.

Тошка учился в другой школе, со специальным математическим уклоном, и виделись мы в основном после уроков и на выходных. А в старших классах – вообще не особенно часто, потому что у меня была подготовка к ЕГЭ, а у него – университет, не до общения. Но связи друг с другом не теряли, перезванивались, переписывались в мессенджерах, знали все друг про друга.

И потому мне вдвойне обидно было, что он вот так странно отнесся к моему желанию учиться здесь, в самом лучшем университете города.

Ему то есть можно, а мне нельзя? Глупость какая...

Тошка, словно чувствуя мою злость, засыпает меня миллионом сообщений с веселыми мемчиками, котятами, жалобно глядящими с экрана, щенятами и прочей ерундой.

И если в самом начале я только раздражаюсь, то затем обида отпускает, и на котят с щенятами реагирую уже вполне благосклонно.

И даже один раз отправляю в ответ улыбку.

Тошка радуется и тут же звонит, чтоб, наверное, закрепить успех, но в этот момент начинается пара, и я сбрасываю.

А когда завершается последняя пара, выхожу на крыльцо и оглядываюсь, уверенная, что Тошка ждет меня.

Но в толчее студентов не могу его увидеть, спускаюсь вниз по ступеням.

– Вася, давай с нами! – зовет Марина, веселая темненькая девчонка. – Мы отмечаем первый учебный день!

– Эм-м-м... – Вообще, я не против, но, к сожалению, с деньгами полный провал, все рассчитано вплоть до копейки, и позволить себе где-то посидеть я не могу. – Нет, мне надо...

И снова оглядываюсь, выискивая Тошку. Неужели не дождался? Или обиделся, что сбросила?

– Тебя встретить должны? – Не уходит Маринка и начинает оглядываться вместе со мной. – Кто? Парень?

– Нет, что ты... Просто друг...

– Друг? А как он выглядит? Ничего не разобрать, столько народу! – Маринка повыше меня ростом, подпрыгивает на месте и любопытничает вовсю. Чувствуется, ей ужасно интересно, что же там у меня за друг.

– Не важно. – Мне становится неприятно это любопытство, потому решаю пойти на автобус. Потом Тошке наберу сама. Не при Маринке.

– Ой, смотри! – Она внезапно замирает, пялясь куда-то за мою спину, глаза расширяются, становясь немного глупыми, кукольными. – Смотри! Какие парни! Топчик просто!

Мне парни не особо интересны, но Марина так смотрит, что невольно тоже оборачиваюсь. И удивленно моргаю.

Потому что восторги одноклассницы адресованы двум парням, высоким, очень видным... И знакомым.

6

По ступенькам к нам спускаются мой Тошка... и тот самый светловолосый наглец, что говорил гадости обо мне сегодня утром.

Парни идут, переговариваясь, и становится очевидно, что они мало того что знакомы, так еще и приятели.

Вот это сюрприз!

Никогда бы не подумала, что у моего друга такие неприятные знакомства!

– Привет, Вась! – Тошка подходит ко мне, по-дружески тепло обнимает за плечи. – Как первый день учебы?

– Нормально, – киваю я, в шоке от того, насколько, оказывается, тесен мир... Встречаю веселый наглый взгляд мажора. Варианта, что он меня не узнал, нет. Слишком много насмешки в красивом лице, слишком говорящий блеск в глазах.

Злюсь, не понимая даже, на что именно конкретно: на этого наглеца, на ситуацию в целом или на себя в ней.

Тошка как-то вдруг очень уж крепко сжимает меня за плечи, а после... Целует в висок! Клянусь, целует! И это вообще не похоже на наше обычное общение! Это словно... Словно он – мой парень и сейчас такие умилительно-интимные жесты по отношению к своей девушке делает.

По крайней мере, Марина тут же реагирует на это:

– Ой, так это ты – ее парень?

– Парень? – Мажор с усмешкой смотрит на Тошку. – Весик, девочку себе завел?

Тут он делает паузу, говорящую такую, и я обмираю внутренне, ожидая, что он опять, как утром, повторит ту грубость про мою пятую точку.

И мажор прекрасно считывает этот момент, смотрит мне в глаза, развлекает его мое напряжение. И, чуть помедлив, буквально миллисекунду, заметную только нам двоим, продолжает:

– Ниче так... юбка.

И я снова вспыхиваю! Ярко-ярко, чувствую, как кожа огнем горит буквально! Какой урод, а! Скотина просто! Троллит меня!

– Мы – дружим! – звонко отвечаю я, и одновременно со мной Тошка выдает:

– Да, моя...

Наши голоса сливаются, и фразы обрываются. Я выворачиваюсь из-под ладони Тошки, смотрю на него с удивлением. Это что он такое начал говорить? Я его – кто?

– Подруга, – добавляет Тошка через паузу.

А мажор ржет белозубо:

– Хорошая дружба, ага... Организмами, да? Я тоже так не против... подружить.

Тошка хмурится, я краснею от ярости, Маринка рядом вообще с открытым ртом стоит, переводя взгляд с одного на другого. Чувствуется, ей очень хочется вступить в разговор, но понять, о чем мы тут, она не может, а потому молчит.

И Тошка молчит! И никак не хочет ответить на хамство своего приятеля!

Понимая, что надо брать все в свои руки и не позволять вытирать об себя ноги никому, я набираюсь энергии и целительной злости, разворачиваюсь к мажору и презрительно цежу сквозь зубы:

– Тебе не светит.

Он вскидывает бровь и интересуется ядовито:

– А че так? Не нравлюсь?

– Нет.

– Так ты скажи, что не нравится, злюка, я сделаю так, чтоб понравилось.

– Организм у тебя слишком... примитивный, неинтересно дружить, – грублю я и, не прощаясь ни с кем, торопливо сбегая вниз по ступенькам.

В этот момент я крайне зла, просто взбешена на невероятно глупую ситуацию, в которой оказалась.

Меня раньше никто так нагло не клеил. Не рассматривал настолько издевательски и бес-пардонно, не говорил таких грубых вещей.

Я не привыкла к подобному, не знала, как надо реагировать правильно. И среагировала как получилось.

Конечно, ярости мой это не убавило, но легкое удовлетворение принесло.

Хотя в первую очередь я злюсь даже не на этого мажора, который, если уж быть до конца честной, ничего особенного не сделал, просто действовал и вел себя так, как привычно ему. Наверное, ему редко хамят и в грубой форме отказывают девушки, вот и удивился.

Нет, больше всего меня поражает поведение моего друга Тошки. Сначала его собственные замашки, обнимашки, поцелуйчики...

Мы никогда не были в таких отношениях, даже намекка никакого.

Я воспринимала Тошку как брата и даже не старшего, а ровесника, компаньона по играм. И теперь это его поведение... К чему?

И потом, если уж ты пытаешься строить из себя моего парня, то почему позволяешь кому-то постороннему так разговаривать со мной?

Это что вообще такое?

– Вася!

О, опомнился, бежит!

Не оглядываясь, ускоряя шаг, и запрыгиваю в удачно подъехавший автобус.

Становлюсь к задней площадке и наблюдаю высокую фигуру Тошки, растерянно провожающего автобус взглядом.

Он выглядит подавленным и грустным.

Так ему и надо.

7

– Офигенно двигаешься, малыш...

Голос, такой тихий, но очень отчетливый, теплым дыханием прямо в шею... М-м-м... Как приятно-о-о... Крепкие руки с длинными музыкальными пальцами ложатся на живот, к спине прижимается горячее тело. И это тоже приятно. Музыка нас обволакивает, и ритм такой томный, сладкий-сладкий... Я ни слова не понимаю из того, что поет певица, но это невероятно чувственно и завораживающе.

Голова кружится, перед глазами мелькают разноцветные блики, которые отбрасывает шар стробоскопа, установленный высоко над потолком.

Маринка, правда, когда увидела украшение спортивного зала к празднику первокурсников, презрительно кривилась и говорила, что это позапрошлый век.

Но мне, не избалованной вечеринками, все очень нравится!

И теперь уже совсем нет опасений и сожалений, что зря пошла.

Не зря! Вообще не зря!

Правда была Маринка!

Восемнадцать бывает только раз в жизни, я и без того из-за контроля родителей все на свете пропустила.

Мои одноклассницы всю таскались по впискам и клубам, развлекались, а я даже из дома выйти не могла!

Теперь с этим полегче, просто потому что родители уже не могут так сильно меня контролировать.

Электронных-то дневников нет! Выяснить, сколько у меня уроков, когда они заканчиваются и прочее, – невозможно!

А дополнительные занятия, семинары, различные студенческие движы – есть! И я могу практически без проблем, если не злоупотреблять, конечно, чересчур, задержаться до вечера.

Да и вечером тоже могу уйти, например, готовиться к докладу или коллоквиуму у Маринки...

Я за время первого месяца обучения в универе заметила удивительную вещь: все эти сложные названия дисциплин, ученые слова имеют какое-то гипнотическое воздействие на моих родителей. Они как-то сразу теряются и не могут запретить... Особенно если выговаривать сложные фразы с умным и значительным лицом.

Офигенно!

Почему я раньше этим не пользовалась?

Нет, все же правы люди: высшее образование определенно развивает мышление. И позволяет находить выходы там, где их не сразу можно рассмотреть.

Конечно, я не ударилась во все тяжкие, но в студенческую жизнь с удовольствием окунулась.

Это так интересно, боже мой!

Столько всего!

Я записалась на все дополнительные занятия, на внеучебную деятельность, волонтерское движение, а еще в универе был свой хор, и я туда тоже записалась! Я хорошо пою, окончила музыкальную школу по классу фортепиано и, хоть и не пошла по этому направлению, по творчеству скучала.

Понятно теперь, что в универе я нахожусь с утра и до позднего вечера. И ничуть от этого не страдаю, наоборот, словно воздухом свободы напитаюсь, перед тем как вернуться домой, нырнуть на дно болота.

К тому же я пристально присматриваюсь к преподавателям, зная, что многие из них параллельно работают еще и в других учебных заведениях. Может, кто-то заметит меня и возьмет старательную активную студентку в качестве помощника? На такие шансы минимальны, но и поступить сюда, в этот универ, тоже было непросто. Я же сделала? И тут справлюсь!

На вечеринку в честь посвящения первокурсников в студенты я идти не планировала, кстати.

Учебы много, доклад писать еще по истории психологии... Но сначала пристала Маринка, с которой мы подружились за этот месяц. Уговаривала меня несколько дней, дула губы, ставила ультиматумы и прочее.

Я была тверда, отмахивалась с досадой.

Но затем меня поймал между парами Тошка и в категоричной манере потребовал не ходить на «всякие сборища».

Я прищурилась, отступила на шаг и, рывкнув: «Рано я тебя простила!» – пошагала прочь от друга.

Злясь на его снова проснувшийся махровый шовинизм.

Ну надо же! Только-только помирились, стали снова общаться, и он опять за старое!

И меня не столько запрет взбесил, в конце концов, я сама никуда не собиралась, сколько то, что Тошка позволил себе мне что-то запретить. Дурак, что ли? Мало мне родителей, все еще считающих меня своей собственностью, так еще и он!

Я шла, вспоминала лицо своего друга, когда он пытался со мной помириться, после происшествия в первый учебный день. Его виноватый внимательный взгляд, сбивчивые слова о том, что он просто не успел тогда ничего сказать, что он потом поговорил с Лисом, пригрозил ему, и тот больше никогда, и прочее, прочее, прочее...

А я смотрела на него и видела моего друга детства, веселого бесшабашного Тошку.

Он как-то залез на дерево, чтоб снять котенка, а потом посмотрел вниз и испугался... И кричал на весь двор, звал на помощь, пока не прибежала его бабушка и не сманила его с дерева. Котенок, что характерно, смылся задолго до этого. Без посторонней помощи. А у Тошки было такое испуганное, зареванное лицо... И я удивлялась: ведь он старше меня на три года... Почему боялся?

Маленького мальчика, проглядывающего через черты красивого, уверенного в себе парня, было жаль.

И я простила.

Мы снова начали общаться, как прежде, и даже мемчики по сто штук на дню друг другу слали.

Но вот ездить с Тошкой в машине до универа я отказалась. Не знаю почему – не анализировала это все. Просто решила, что так будет лучше.

Тошка пару раз попытался настаивать, но после отстал.

Про вечеринку я ему сама сказала, со смехом упомянула, что Маринка никак не угомонится...

И Тошка прискакал буквально на следующей перемене!

И снова попытался включить альфа-самца!

Я шла, надуваясь от злости, и на этой же злости написала Маринке сообщение, что пойду на вечеринку.

Просто потому, что хочу! И сама решила! И никто меня не остановит!

И вот теперь, мягко покачиваясь в незнакомых, но таких горячих объятиях какого-то парня, ощущая, как кружится голова и тяжелеет грудь, я думаю, что правильно все сделала...

Такая музыка, так хорошо...

– Пахнешь – офигеть... – мурлычет за моей спиной мартовским котом неожиданный партнер по танцам, и я, вздохнув, откидываюсь на крепкую грудь, наслаждаясь такой серьезной опорой. О-о-о, это так круто, знать, что тебя удержат... Не дадут упасть...

Музыка все нежнее, руки парня все тяжелее, слова – все откровенней.

И я начинаю испытывать легкое беспокойство. Оно пробивается через морок спиртного, которое я зачем-то выпила, наверное, все на той же злости. И Маринка потом принесла еще... И говорила: до дна. А я никогда не пила спиртного... А оно так расслабляет...

– Хочешь уйти отсюда, малыш? – шепчет парень и мягко увлекает меня куда-то в сторону.

– Куда? – Я совсем не хочу уходить, мне все нравится: и вечер, и музыка, и мой танец. И он, тот, кого я пока что не вижу, но очень хорошо чувствую... Он высокий, от него вкусно пахнет, и губы у него горячие...

Прикосновение-поцелуй к шее обжигает и заставляет прийти в себя.

Испуганно раскрываю глаза, понимая, что уже погрузилась в какое-то странное, полуобморочное состояние и позволяю человеку, которого вообще никогда не видела (и не вижу все еще, кстати!), делать со мной странные и пугающие вещи!

Разворачиваюсь в крепких горячих руках, поднимаю подбородок, шурюсь, пытаюсь в полумраке разобрать лицо парня.

И в изумлении раскрываю рот.

Передо мной – Лис.

Тот самый мерзкий гад, два раза посмеявшийся надо мной!

Тот самый, что в последнее время с завидным постоянством попадает на глаза, и каждый раз, когда мы пересекаемся в коридорах универа, ошпаривает нахальным, насмешливым взглядом, заставляя краснеть от злости!

И именно он сейчас держал так крепко, танцевал так чувственно, шептал на ушко так интимно...

Это что, насмешка такая, что ли?

8

Осознание произошедшего трезвит похлеще внезапно опрокинутого на голову ведра ледяной воды. Не то чтоб я пробовала когда-либо такое, но теперь очень даже хорошо себе представляю эффект.

Становится одновременно холодно и жарко, кожа покрывается мурашками и потом, а во рту сохнет.

Лис смотрит на меня все так же насмешливо, как и обычно, но теперь на дне его нахальных глаз что-то еще читается. Такое... непонятное. Жутковатое. Хотя, наверное, это просто огни стробоскопа так отражаются.

Придя в себя от первого шока, я мгновенно начинаю действовать. Дергаюсь в горячих руках и пытаюсь отступить назад.

Но это никакого эффекта не приносят. Положительного эффекта. А вот отрицательный – да.

Лис хмурится и легко пресекает мою попытку вырваться, дергает к себе еще ближе, так что между нами вообще расстояния никакого не остается! Вынуждает меня задрать подбородок выше, чтоб не потерять зрительный контакт, наклоняется чуть ниже, и я чувствую, как от него едва уловимо пахнет спиртным.

Он выпил? Он потому себя так ведет?

– Отпусти! – Снова дергаюсь я, возмущенно упирая ладони в белую футболку, слепяще отражающую блики светомузыки. – Ты чего?

– Ничего... – Он чуть щурится, по-прежнему удерживая и, похоже, даже не замечая, что я тут пытаюсь вырваться, вообще-то! – Ничего...

– Ну тогда отпусти! – Потеряв надежду освободиться по-хорошему, изо всех сил бью обеими ладонями в крепкую грудь парня, тут же шиплю от боли, потому что там у него, похоже, железный корсет! Или кираса, как у древних рыцарей! Только очень горячая. – С ума сошел?

– Похоже... – Лис наклоняется еще ниже, и его дыхание обжигает мои губы, высушивая их еще больше. – Пойдем поболтаем, малыш?

Воздух мгновенно испаряется между нами, щеки мои горят, а в голове – сплошной сумбур и страх, перемешанный бог знает с чем.

Он определенно сошел с ума!

Ведь если до этого был вариант, что Лис просто не понял, с кем обжимался, ну мало ли, темно, мигает свет, да и выпил он, то сейчас-то что? Зачем так себя ведет? Почему не отпускает?

Вокруг нас беснуется толпа, с импровизированной сцены что-то орет диджей, мигает свет, делая происходящее нереальным, inferнальным.

И сама ситуация такая же...

Я даже сначала думаю, что ослышалась.

Лис предлагает... Что? Поболтать?

Одурел?

– Да с чего мне с тобой болтать? – Отклоняюсь назад, чуть ли не переламываясь в талии, потому что его руки – как оковы, не разжимаются, наоборот, тяжелеют! – Попутал? Пусти же!

А в следующее мгновение Лис показывает, что до этого момента я еще была очень даже свободна.

Потому что одна его ладонь легко перемещается мне на шею, одновременно захватывая затылок, а вторая еще сильнее сжимает, притирая к горячему телу. Я не успеваю, да и не могу больше ничего сделать, только рот раскрываю то ли для очередного возмущения, то ли для крика о помощи.

Ни то ни другое мне проверить не удастся, Лис легко пресекает мои попытки, прижимаясь твердыми жесткими губами к моим и лишая одновременно воздуха и всякого соображения.

Я в таком невероятном шоке, что даже не сопротивляюсь, только пальцы судорожно сжимаю на белом хлопке футболки, мычу растерянно и нелепо дергаю ногами.

А потом уже и этого не получается, потому что Лис – вообще не Лис, а Удав, самый настоящий!

Стискивает так, что в глазах темнеет, и шум в ушах такой силы, будто не в зале среди людей нахожусь, а где-то в ущелье, и река горная вокруг. И внутри. Внутри меня – ураган. И Лис – совсем не опора в этом водовороте.

Он – источник хаоса. Он – причина его!

Сопrotивляться ему бесполезно, да и не получается у меня, испуганной и обескураженной происходящим.

Лис наглый, бескомпромиссный и жесткий. Целует так, словно... Словно не целует, а атакует. Сожрать хочет!

Я беспомощно позволяю себя целовать, тискать жарко и безумно, чувствую, как голова кружится от страха и недостатка кислорода, ноги подкашиваются.

Я уже не стою – вишу в жадных лапах хватчика, и не отбиваюсь, а бессильно цепляюсь за него, чтоб удержаться на плаву хоть немного. Не утонуть, не потерять себя.

А Лис все делает для того, чтоб это случилось.

Сжимает, ладони его скользят по телу, задирают футболку, тискают за ягодицы, гладят по спине, зарываются в волосы...

А затем руки его смыкаются на бедрах, подхватывают... И я лечу! Я уже в воздухе!

Лис не прекращает целовать, одурманивая, лишая возможности крикнуть, воспротивиться, и несет меня куда-то! Словно хищник – добычу!

Я осознаю происходящее, хоть и в ужасе полном, в дурмане, и опять мычу прямо в припадающие к поцелую губы, и луплю ладонями по каменным плечам.

Но Лису плевать, категорически плевать на мое сопротивление, он даже не сбивается с шага!

И никто вокруг не обращает на нас внимания, а если и обращают, то не помогают, наверное, считая, что ничего особенного не происходит! Кто-то даже свистит в поддержку Лиса!

Он в этот момент переключается с моих губ на шею, добавляя к дрожи страха какие-то странные будоражающие нотки и не обращая внимания на мои беспомощные уговоры:

– Отпусти... Ты что? Отпусти же меня! Куда ты?.. Нет, Лис, я не хочу... Лис, что ты делаешь? Ну, Лис же!

Я понимаю, что еще немного, и этот гад вытащит меня за пределы спортзала, в полутемный коридор – предбанник спортзала... А там – куча вариантов: раздевалки, тренерская или вообще – гардероб, сейчас пустующий!

И надо что-то предпринимать сейчас, именно сейчас!

– Лис! Ты охренел?

Спасение приходит неожиданно...

9

– Это че за соска?

Женский высокий голос с капризными истерическими нотами сейчас кажется чуть ли не небесной музыкой.

Потому что приводит в чувство меня и тормозит взявшего серьезный разгон Лиса.

Уже за одно это я готова простить «соску». Пусть как угодно называет, главное, чтоб Лис среагировал и отпустил!

Пользуюсь тем, что парень отвлекся, глядя мне за плечо на девчонку, уже начавшую визжать на ультразвуке. Причем исключительно матом и на такой режущей противной ноте, что даже музыку перекрывает!

Изо всех сил давлю ладонями на каменную грудь, избегая смотреть своему захватчику в глаза, и дергаюсь, в очередной раз пытаюсь освободиться.

Лис снова не обращает внимания на мои смешные потуги, все так же крепко сжимает, жесткие пальцы на пятой точке причиняют боль. Отрезвляющую.

Девчонка, которую я не вижу, а лишь слышу, орет все громче, привлекая к нам зрителей.

Оглядываюсь, замечаю устремленные отовсюду камеры смартфонов и скриплю зубами от бессилия и унижения! Завтра буду звездой всего университета! Кошмар какой!

Ну надо же так влипнуть!

Проклятый Лис!

Точно опозорить меня еще больше захотел!

– Игнат, я не поняла вообще! – разоряется девчонка. Я снова дергаюсь, и в этот раз удача на моей стороне.

Получается чуть-чуть разжать каменные лапы, сползти вниз по горячему телу и встать на ноги!

Уф! Счастье-то какое!

А то ведь начала опасаться, что теперь этот девайс в виде прилипшего ко мне Лиса навсегда останется, настолько его объятия монолитными казались!

Он, кстати, тоже приходит в себя, рычит злобно на девчонку:

– Завали!

– Чего-о-о? Игнат! Что это значит? Да я только отвернулась, а на тебе уже новая соска висит! И я – отвали?

Ой-й-й... Как он ее терпит, такую визгливую?

Впрочем, какая мне разница?

Пользуясь тем, что Лис занят своей подружкой, легко скольжу у него под локтем и, не теряя ни секунды, бегу прочь к выходу из спортзала.

Вслед мне несутся вопли девчонки, громко рассказывающей Лису, почему он козел и потаскун, смех и свист других парней (надеюсь, не мне) и, вишенкой на торте, досадливый рык Лиса:

– Куда, блин? Стоять!

А вот это уж точно мне, тем самым, сильно пострадавшим от железных лап захватчика местом чую.

И хоть я девочка послушная, но тут как-то не до правил вежливости. Себя бы спасти.

Потому ускорюсь еще больше.

Выбегаю из спортзала, со всех ног несусь в сторону выхода из здания университета, радуясь, что осень теплая и все свое ношу с собой, а значит, задерживаться, чтоб забрать верхнюю одежду, не требуется.

На крыльце выдыхаю, в панике оглядываясь и прикидывая, в какую сторону бежать.

Есть вариант, что можно вообще успокоиться, Лис плотно занят той крикливой стервой и, может, вообще про меня забыл, но не факт.

А учитывая его досадливый рык мне в спину, большой процент того, что меня кинутся догонять... И догонят! И... Что дальше, я даже представлять не хочу! Иначе колени подрагивать начинают от пережитого стресса.

Сзади слышится шум, кто-то идет в мою сторону, громко разговаривая.

И я, не желая выяснять, насколько права в своих ожиданиях, срываюсь с места и заполошной белкой несусь к дороге. Там всегда дежурят частники, может, кто-то согласится домой меня добросить?

Прикидываю на бегу, сколько у меня налички, решаю, что для спасения своей чести и достоинства могу выделить нужную сумму.

На остановке несколько машин, я замираю, неожиданно испугавшись. В голове сразу всплывают предостережения мамы о том, что нельзя садиться к незнакомым...

Позади хлопает дверь, а передо мной неожиданно тормозит машина. Иномарка, не самая новая, черная и низкая.

Пытаюсь ее обойти, чтоб добраться до такси, но дверь с моей стороны открывается, и низкий голос повелительно командует:

– Садись.

Я узнаю водителя.

И, чуть поколебавшись, принимаю приглашение.

Потому что к незнакомым нельзя. А это – знакомый.

10

– Спасибо, – взволнованно начинаю я тарыхтеть, тревожно посматривая в боковое окно на ворота универа. – Можем уже поехать?

Водитель кивает и трогается с места.

Я оборачиваюсь на уплывающие вдаль ворота, отмечаю, что никто так и не выскочил, а значит, не отследил моего отбытия, и с облегчением выдыхаю.

Пристегиваюсь, поудобней сажусь на сиденье, расправляю на груди помявшуюся футболку, тревожно повожу плечами, потому что кажется, что лифчик расстегнут. Я бы не удивилась такому развитию событий, вот честно, учитывая способности Лиса... Больше чем уверена, что он с задачей мгновенного и незаметного раздевания девушек справляется на отлично.

Все это время машина едет, довольно быстро, за окном мелькают дома, огни витрин, малочисленные люди, бредущие по своим делам.

И я, наконец, обращаю внимание на то, куда еду. И кто меня везет.

Нет, кто везет, я в курсе, естественно...

Каменев Алексей, тот самый серьезный большой парень, что помог мне первого сентября.

Тогда у меня его тяжелые жесткие руки и его слишком хмурое, закрытое лицо вызвали страх и настороженность.

Но, спустя какое-то время, вспоминая всю эту ситуацию, я пришла к выводу, что зря напряглась и подумала о человеке нехорошо. Он ведь вообще ничего плохого не сделал. Наоборот, помог, не дал упасть... И потом еще и перед Лисом за меня заступился!

Короче говоря, я решила, что моя инстинктивная боязнь тогда была просто следствием волнения от новизны, непривычной обстановки и поганца-Лиса, так некстати явившегося позубоскалить за мой счет.

За этот месяц я Каменева встречала в коридорах универа. Не так часто, как Лиса, конечно же, но тоже видела. И даже в самый первый раз, столкнувшись взглядом с его светлыми тяжелыми глазами, кивнула приветливо.

Он в ответ посмотрел на меня, словно на пустое место, и молча прошел мимо.

Я только плечами пожала, решив не заморачиваться таким отношением к себе. Каменев, или, как его все называли в универе, Камень, был парнем загадочным и сложным. И очень популярным у девушек. Так что меня он мог просто не запомнить.

В конце концов, кто я такая? Девочка, которая свалилась ему под ноги? Да смешно...

Учитывая, что рядом с ним каждый раз, когда я его видела, была новая девушка, то трудиться и запоминать кого-либо ему точно не требовалось...

Я, правда, удивлялась, как эти девушки, постоянно прыгающие вокруг него, не опасаются? Про Каменева в универе ходили самые пугающие слухи.

У него не было богатых родителей, как у того же Лиса, но водились деньги. Большие, говорят, получаемые криминальным путем.

Ходили слухи, он поступил в универ, не сдавая толком экзаменов, с неудовлетворительными результатами по ЕГЭ. По сиротской квоте.

Ни с кем не общался из компании местных мажоров, где Лис был главной звездой.

Не особенно часто показывался на занятиях, но хвостов не имел...

Короче говоря, фигура крайне загадочная и пугающая.

Девочки с моего потока, кстати, со слов которых я все эти подробности и знала, долго и жарко спорили, кто круче: Камень или Лис, и никак не могли сойтись во мнениях.

Я про это не думала, только удивлялась, как меня угораздило в один и тот же день столкнуться с двумя самыми одиозными фигурами универа? Вот уж точно, карма.

И надо же, теперь ситуация повторяется!

Снова Лис и снова Камень! И в один день!

Пару секунд изучаю профиль Каменева, немного выжидаю, потому что, как мне кажется, он должен заговорить первый, спросить, куда меня везти, например...

Но этого так и не происходит.

– Спасибо тебе, – я все-таки решаю первой прервать молчание, – а то я что-то припозднилась... А куда мы едем? Мне бы на Мира...

Камень молчит, только угол губ дергается в язвительной усмешке.

И я начинаю настораживаться. Сердце бьется сильнее, но пытаюсь смирить волнение, снова заговариваю, стараясь сохранить беспечный тон:

– Леша, можно тебя так называть? Леш, ты мне не ответил... Понимаешь, мне домой надо, у меня мама строгая... Леш?

Камень молчит, рулит спокойно себе, рука, татуированная от плеча до кончиков пальцев, показательно расслаблена.

Я растеряннo мнусь, оглядываюсь по сторонам, уже отчетливо нервничая. И понимаю, что мы едем не в сторону моего дома, что, в принципе, понятно: откуда Каменеву знать, где я живу? Нет, мы едем вообще в другом направлении!

– Леша... – предпринимаю я еще одну попытку спокойно решить ситуацию, – если тебе неудобно, я вот тут выйду, на остановке... Спасибо, что добросил, я дальше сама... А то мама...

– А мама не говорила тебе, что не стоит садиться в чужие машины к незнакомым парням? – неожиданно говорит Каменев, отрывая взгляд от дороги и поворачиваясь в мою сторону.

И я растеряннo замираю, пораженная его словами и выражением его глаз. Чудовищно спокойным. И каким-то... Чужеродным, нечеловечески холодным и опасным. Он – словно энтомолог, разглядывающий интересную мушку и прикидывающий, как поудобней ее на иглу посадить.

– Говорила... – Мой голос глохнет от напряжения, руки начинают трястись... Он же... Он же совершенно сумасшедший... Как же я так попала? – Но ты же знакомый...

– Это не факт...

Он отворачивается обратно к дороге, и я с ужасом смотрю на его четкий, жесткий профиль.

Машина набирает скорость, мчит куда-то в темноту.

И я в ней, словно Элли, ураганом унесенная.

Вот только мой ураган, похоже, куда неумолимей и безжалостней, чем в той детской сказке. Потому что стихии не бывают настолько непредсказуемыми.

Только люди.

11

Машина летит по ровной, скудно освещенной дороге, по обочинам – темнота, а это значит, что мы уже где-то в промзоне.

Я нервно осматриваю интерьер салона, пытаюсь придумать, что делать, как себя вести. Понятно, что кричать, звать на помощь бесполезно и глупо.

Разговаривать?

Угрожать?

Плакать?

На все это – четкое «нет», потому что Камень – не тот парень, которого можно разжалобить или заставить свернуть с намеченного пути.

Бороться?

Драться?

Сейчас, в движущейся машине, я этого сделать не смогу, не самоубийца же.

Ждать, пока затормозит?

А если он меня просто вывезет подальше, сделает там все, что захочет, и пришибет? Что я знаю о нем, кроме того, что это опасный, замкнутый, неразговорчивый тип?

Ничего. Ничего! Знакомый... Надо же!

Но в любом варианте я не собираюсь просто так сдаваться, быть овцой на заклание. Мама бы предложила помолиться, но ни одна молитва на ум не идет.

Снова смотрю на водителя, замечаю то, на что как-то не обратила внимания, когда села в машину. Он напряжен, зол, а на костяшках пальцев – кровь. Свежая.

Камень не обращает внимания на это, хотя очевидно, что ему больно. И на лице, на скуле – ссадина. Дрался? Может, потому такой злой? Ехал себе домой, избитый, а тут я...

Слабоватое оправдание, но я за него цепляюсь, изо всех сил не желая верить, что передо мной просто маньяк, поймавший очередную вкусную жертву.

– У тебя кровь идет... – Мой голос в тишине салона звучит напуганно и тонко. Откашливаюсь, видя, что Камень никак не реагирует на мое замечание, продолжаю: – Ты... Расстроен? Да? Тебя избили? Но если так, то я же не виновата в этом... Отпусти меня, пожалуйста.

Камень молчит, рулит, смотрит вперед.

Поздравив себя с тем, что меня, по крайней мере, не затыкают, а значит, есть вариант достучаться, продолжаю аккуратно нащупывать дорогу к свободе. Ох, если все получится, кля-

нусь, больше никаких машин! Знакомых, незнакомых, вообще не важно! На автобусе буду ездить! Пешком ходить! Полезно для фигуры и нервов!

– Пораненные руки могут стать причиной инфекции... У тебя прививка от столбняка есть?

Боже, что я несу? Какая прививка?

Камень, судя по всему, тоже не ожидает такого, поворачивается ко мне, пару секунд с изумлением рассматривает, а затем принимается ржать. Неприлично громко и неприлично заразительно.

Я только моргаю удивленно, приоткрыв рот. Смена настроения у него слишком резкая. Не в себе? Это плохо. Очень плохо...

Камень между тем, перестав ржать, бормочет:

– Неплохо...

А затем смотрит в зеркало заднего вида и принимается материться, несдержанно, грязно.

Я, еще сильнее перепугавшись почему-то такой острой сменой поведения, тревожно оглядываюсь, но там никого и ничего, кроме слепящих фар какой-то машины.

Камень, не прекращая материться, давит на газ, машина буквально взлетает над трассой, а я с визгом цепляюсь за поручни.

Смотрю то перед собой, на темноту дороги, где уже даже фонарей нет по обочинам, а значит, мы за пределами обводной. То на сжавшего губы Камня, с остервенением щурящегося по очереди в лобовое и зеркало заднего вида. То назад, где очень близко, буквально в паре метров от багажника, висит темная машина, постоянно слепящая нас фарами дальнего света.

И у меня в голове нет сейчас облегчения, нет радости, что скоро все закончится, потому что те, что преследуют Камня, явно не друзья мне и явно не спасти меня хотят...

12

Когда машина делает резкий разворот и юзом уходит на обочину, я уже даже сил не имею, чтоб взвизгнуть, просто обреченно закрываю глаза и сильнее хватаюсь за поручни.

Что характерно, ни одной молитвы в голове по-прежнему не возникает.

Наверное, я просто безбожница, не зря же мама ругалась постоянно и говорила, что я без души читаю псалмы... Вот меня и наказывают за недостаточную веру.

Камень коротко и очень емко высказывается по поводу неудачного поворота, затем наклоняется ко мне:

– Эй, ты как? Живая? Эй? Глаза открой!

Я судорожно дышу и не подчиняюсь его приказу. И без того страшно, а в спасительной темноте вроде как полегче.

Но Камня не устраивает моя реакция, ощущаю, как жесткие пальцы властно прихватывают за подбородок, заставляя приподнять голову, а щеку обжигает легкий, но чувствительный шлепок.

В шоке распахиваю ресницы, фокусируюсь сквозь непонятно откуда взявшиеся слезы на напряженном лице парня.

– Сиди в машине, ясно? – командует он, добившись оттенка осмысленности в моем взгляде. – Что бы ни случилось. Блокируй изнутри. И сиди. Если что – вот тут, – он кивает на панель под потолком, где горят кнопки, – аварийка. Нажмешь, помощь придет.

Больше он ничего не успевает сказать, потому что нас освещают фары подъехавшего автомобиля. И, судя по интенсивности и наглости свечения, это те самые люди, что висели на хвосте.

Камень щурится на свет, снова ругается и выпрыгивает из машины.

– Запрись, блин! – рычит он, перед тем как захлопнуть дверцу.

И я, судорожно и нелепо дергаясь, отстегиваю ремень и наклоняюсь к сиденью водителя, чтоб заблокировать двери изнутри.

Замечаю, что ключ остался в машине, а значит, ни сам Камень, ни те, что нас преследовали, не смогут в нее проникнуть.

Оказавшись в относительной безопасности, выдыхаю, вытираю мокрые щеки и тревожно всматриваюсь в то, что происходит на улице.

Мне очень отчетливо видно, потому что фары так и не приглушены, и в их ослепительном свете я могу рассмотреть всех участников событий.

Камня, стоящего ко мне спиной.

И четверых парней, окружающих его, словно волчья стая медведя.

Именно это сравнение мне приходит на ум, когда вижу повадки преследователей. Напряженные, резкие движения, угрожающие лица, громкие голоса.

Они о чем-то говорят, что-то предъявляют Камню. Я не могу понять, что именно, хотя вроде разговор ведется на русском. Но этот русский для меня – все равно что иностранный.

Дворовый низкий сленг, много мата.

Да и не в словах дело! Не ради того, чтоб пару слов сказать, они догоняли нас так упорно, это же очевидно!

Парни все время двигаются, вроде бы и не особенно активно, но постоянно. И Камень, судя по напряженной спине, эти передвижения внимательно отслеживает.

Вообще, картина перед моими глазами рисуется жутковатая, инфернальная даже.

Темень ночи, когда чуть-чуть за пределы освещенного круга стоит выйти – и все, пропадешь! Чудовища утащат, как в том фильме с Дизелем.

Пять мужчин, высоких, крепких, кружащих в странном, напряженном танце... Того и гляди, все сорвется во что-то бешеное, безумное! И я, нечаянная свидетельница, попавшая, на свою беду, под этот замес!

И как бы ни сложились обстоятельства, для свидетельницы все будет более чем трагично... При любом раскладе.

Может, мне, пользуясь моментом, просто разблокировать дверцы и рвануть прочь отсюда? Через ночной мрак и ужас бездорожья?

Я очень серьезно обдумываю этот вариант, когда фигуры на сцене начинают двигаться! Резко, быстро, внезапно!

И жутко.

Потом, вспоминая увиденное, я буду гадать, были ли шансы у нападавших? Если бы они, например, полностью окружили Камня? Если бы кто-то из них набросился сзади? И не смогу дать однозначный ответ.

И нет, происходящее нельзя назвать дракой. Избиением – да. Молниеносным, жутким избиением.

Застыв, как была, коленями на сиденье водителя, я прилипаю к стеклу и даже моргать не успеваю, как все заканчивается.

Хотя нет. Моргаю. Два раза.

Первый раз – от страха, когда все начинается. Парни налетают на Камня без предупреждения, одновременно. И я закрываю рот ладонью, переставая дышать, потому что понимаю: сейчас они его убьют! Их слишком много! Слишком! В землю втопчут!

И второй раз я моргаю от изумления.

Когда Камень делает какое-то странное, похожее на медвежье, ленивое движение... И нападающие с воплями и искаженными от боли лицами летят в разные стороны!

13

Это настолько нереально и захватывающе, что я на мгновение забываю о том, в какой опасности нахожусь.

Ощущение, будто в кинотеатре сижу, где максимален эффект присутствия, 7D какие-нибудь или что-то вроде того.

Забывшись, прижимаю ладони к стеклу, изо всех сил вглядываясь в происходящее, боясь пропустить детали.

А их много, этих деталей.

Тяжелые, ленивые движения Камня. Попытки двух из четырех отброшенных им в сторону парней встать. Оскаленные рты, явственно слышимый унылый и однообразный мат. И в противовес издаваемым ругательствам – поистине каменное молчание... Камня.

Леша. Его Алексей зовут.

Ему идет это имя. Сильное, чуть жестковатое, очень классическое... Традиционное, я бы сказала, тяжелое и надежное. Он сейчас – словно богатырь русский, сражается с половцами, недругами, нападающими на отечество...

Ох, как меня несет, мама дорогая... Это все издержки воспитания. Мама любила нам перед сном читать про защитников земли Русской...

Леша между тем не стоит на месте, ожидая, когда враги придут в себя и набросятся на него, а спокойно и методично решает вопрос с теми, кто в состоянии встать. Обратно их укладывает.

Еще двое парней не поднимаются, хотя один, я ясно вижу, уже вполне пришел в себя.

Но, наверное, удар Леши вправил остатки мозга в пустую голову, потому что парень приотворяется, что без сознания, надеясь, что Камень обойдет его своим вниманием.

Леша подходит к одному из лежащих на земле, особенно пострадавшему, громко стонущему, наклоняется, что-то коротко говорит и, порывшись в кармане, с размаха лупит ему по лицу пачкой денег.

Судя по всему, банкноты не закреплены, потому что, ударившись плотным комом о физиономию парня, чуть рикошетят и разлетаются на низкой траектории по земле рядом с его головой.

Камень поднимается, что-то снова коротко говорит, обращаясь уже к остальным нападающим, и те – о чудо! – воскресают!

Поднимаются, шатаясь на разные лады и прижимая к особо пострадавшим местам руки, кто-то ползком вообще, кто-то на четвереньках, двигаются в сторону машины.

В этот момент из-за руля выпрыгивает еще один парень!

Я в изумлении открываю рот.

Он что, все это время просто сидел там, освещая место действия и вообще никак не желая помочь своим друзьям? Ничего себе, вот это поддержка! На высоте!

Камень ему что-то отрывисто говорит в приказном тоне, я слышу только отголоски. Что-то вроде:

– Дрянь... Забери...

Водитель, опасливо косясь на Камня, подпрыгивает к лежащему в ворохе купюр парню, подхватывает его под мышки и волоком тащит в сторону машины.

– И бабки! – громко говорит Камень.

Парень, устроив своего приятеля на заднем сиденье, возвращается и нервными судорожными движениями собирает разлетевшиеся по земле бумажки.

– Пересчитать не забудь, лошара, – все так же громко приказывает Камень, наблюдая за происходящим. В этот момент он поворачивается в профиль, и я вижу на его лице брезгливую усмешку. Словно на тараканов смотрит, раздумывая: давить эту пакость или не пачкать подошву ботинка?

Парень, прижимая к груди бесформенный комок купюр, бежит в сторону машины, загружается, заводится, и через секунду свет фар ослепляет меня, а затем пропадает.

Я оторопело смотрю вслед уезжающей машине, моргаю, приводя зрение в норму, перевожу взгляд на одинокую фигуру Камня, который тоже глядит в сторону сбежавших нападающих.

Сейчас, когда фары уже не освещают ярко дорогу и обочины, его силуэт теряется на фоне окружающего мрака.

И только когда он разворачивается ко мне, я вижу бледное лицо со сдвинутыми сурово бровями. И понимаю, что надо открыть дверь, я же закрыла!

Торопливо нажимаю на кнопку разблокировки, толкаю дверцу и чуть ли не вываливаюсь из машины, забыв, что на коленях стояла все это время!

Камень внезапно оказывается очень-очень близко, подхватывает меня, не давая упасть. Снова.

Вытягивает из машины, придерживает за талию, и я, взбудораженная, напуганная и одновременно испытывающая невыносимое облегчение от того, что все так разрешилось, принимаюсь быстро говорить:

– Ох, ужас какой, тебе больно? Ударили сильно? Кто это вообще? Чего они хотели? Я так испугалась, я думала, что они тебя убьют, их четверо, верней пятеро, это же ужас, как ты...

Но мой безумный и бессмысленный поток внезапно прерывается.

Жестким, грубым поцелуем.

14

Я успеваю издать какой-то жалкий, бессмысленный всписк и упереть ладони в ходящую ходуном горячую грудь Камня.

Больше ничего.

Вообще ничего.

Задыхаясь от перехлестывающих через край эмоций, дикой смеси из удивления, страха и волнения, со стоном сжимаю пальцы на хлопке футболки, уже не отталкивая, а стремясь хотя бы на ногах устоять.

Камень – жесткий, как... Как камень! Тот самый, что долго-долго лежал под раскаленным солнцем пустыни, и теперь малейшее прикосновение к нему грозит ожогом.

Я горю в его руках, тело буквально плавится от напряжения и остроты эмоций.

А он не останавливается, лишь сильнее напирает!

Губы, жесткие, опытные, и поцелуй – безумный, дикий и принуждающий к ответу. Я не могу сопротивляться. И не могу остановить его.

Позволяю себя трогать, грубо, сильно, гладить тяжелыми ладонями по талии, бедрам, выше, ниже, боже, да везде, везде!

И целовать, если то, что со мной делает Камень, вообще можно назвать поцелуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.